

Ольге Александровне Фокиной

Сотвори мир в душе и пошли его людям.

Фёдор Абрамов

Предисловие

ОГЛЯНУТЬСЯ НА ФЁДОРА АБРАМОВА

В Фёдоре Абрамове всё сложно — и личность, и время, в которое он жил. Даже в когорте писателей-деревенщиков его фигура стоит особняком — в своём творчестве он ни разу не отступил от выбранного им направления в прозе — писать о жизни деревни, писать честно и искренне, так, как до него этого не делал никто. Оттого и неудивительно, что его «Братья и сёстры» и поныне являются одним из главных произведений послевоенной прозы, даже несмотря на то, что его имя на обширном литературном просторе уже несколько подзабыто.

Его боялись и благословляли. С ним искали дружбы и ненавидели. Он чаще был белой вороной в стае своих соплеменников, отвергая в общественной жизни то, за что ратовали другие. Он мог восстать против себя, и тогда его душа рвалась на части, уходя в глубокое пике. И это было страшно.

Его взрывная натура, суровость отпугивали многих, но когда его не стало, нашлась масса тех, кто очень хотел причислить себя к его друзьям. Он мог сказать что-то обидное в адрес своего оппонента, но потом, по воспоминаниям вологодской поэтессы Ольги Фокиной, долго мучился от этого, болел душой и в конечном итоге каялся. Он до конца своих дней не прекращал будить в себе человека и этого требовал от других. Он олицетворял собой огромный духовный мир, был феерией эмоций, страстей, в нём бурлила огромнейшая энергия творчества.

Он был горячим во всём — в писательском труде, в работе, в общении с людьми, в любви и дружбе. Ему ничего человеческого было не чуждо. Он не страдал снобизмом, но и не был открытым каждому встречному-поперечному.

Абрамов не просто жил, он создавал свою жизнь, поиском не только её смысла, но и нравственного понимания присутствия человека на земле. Вот почему его глубоко психологическая проза так близка к творениям Фёдора Достоевского и Льва Толстого, Ивана Тургенева и Николая Лескова. Читая прозу Фёдора Абрамова, как в зеркале видишь в ней отражение лучших традиций века золотой прозы. Может быть, оттого слово Фёдора Абрамова так притягательно и захватывающе.

Самую цепкую, самую тонкую характеристику личности Абрамова дал писатель Владимир Личутин в своей книге «Душа неизъяснимая: Размышления о русском народе»: «Фёдор Абрамов был росточка не особенно видного, как говорится, слегка прибит северным морозом, суховатенек, как бы припалён изнутри постоянным огнём, жиловат, с черноволосой победной головешкой, но отчего-то при виде его мне постоянно вспоминалось кремневое долговечное дерево, ибо какой-то неистрачиваемой силою веяло от мужика... Абрамов — уникальное явление в русской литературе, по всей интонации прозы он воистину народен: неисповедимыми путями он уловил ту музыку, что разлита над землёй, что роднит нацию, соединяя её в монолит, передаваясь в слове от души к душе».

Именно такой, неизъяснимой и была душа Фёдора Абрамова. Он был русским до мозга костей, от русского народа. Его талант, подобный взыгравшейся лаве, прорвавшейся на свет из глубины недр, поистине оберегал и хранил исконный русский язык.

Абрамов, чудом уцелевший в окопах войны, за свой поиск правды мог лишиться самого главного в жизни — быть услышанным читателями. Но вот заставить его молчать не мог никто. Была велика вероятность того, что всё написанное им могло остаться в столе и прийти к читателям в новую эпоху, которой он так и не увидит.

Став лауреатом Государственной премии, в душе он оставался простым крестьянином и всегда тяготел к своей малой родине, без которой не мог жить и которую воспел в своей прозе. Его привязанность к родной Верколе была потрясающе неистовой, ошеломляющей.

Его требовательность к себе, постоянно мучивший вопрос — «писатель ли я?» — были не только эталоном его глубокой нравственности, но и душевной чистоты, совести. Настолько сильно бил в нём родник требовательности к са-

мому себе. Порой, приходя в отчаяние от несправедливого отношения к своим произведениям властей предрержащих, он, негодуя, говорил, что бросит заниматься писательством, но вскоре смягчался, успокаивался. Без литературы он себя не мыслил!

Мне довелось его видеть один раз в жизни, эта встреча запомнилась навеки... Как сильно завидую я тем, кто мог с ним общаться, делить кров, быть рядом!

Он ушёл из жизни, едва перешагнув шестидесятилетний рубеж, в возрасте писательской зрелости, на пике популярности, так и не успев написать своей главной, заветной книги, к которой шёл всю жизнь. Его уход был похож на неожиданно загасшую от порыва ветра ярко горевшую свечу — он не был готов к смерти. В кругу его близких до сих пор не верят в официальную версию его кончины, десятилетиями не теряя надежды узнать правду. После написания этой книги не верю в правдивость этой версии и я. В своё время композитор Валерий Гаврилин, хорошо знавший и друживший с Фёдором Абрамовым, сказал: «Люди, говорящие правду, умирают не от болезней». Это было сказано не в адрес Абрамова, но о таких, как он.

Спустя несколько лет после его кончины страна, в которой он жил, будет уничтожена и правда Фёдора Абрамова станет никому не нужна.

Интересно, что бы он сказал о годах, когда его страна жила без него, о той новой России, которой он не увидел? О перестройке, о мрачных и хаосных 1990-х с их всерваческой демократией и приватизацией, разорившей государство донельзя, едва не приведшей к гибели самой России? Что бы он сказал об исчезновении по всей стране колхозов и совхозов, да и гибели самой «кормилицы» — русской деревни, за благополучие которой он ратовал всю сознательную жизнь? О разорённых домах культуры, библиотеках, школах, что стали закрываться в сёлах? Да и о нашем сегодняшнем непросом времени? Что бы сказал?! Но в стороне бы не остался — точно!

За годы без Абрамова выросло не одно поколение, и для многих ныне живущих он — нечто далёкое, из той безвозвратно ушедшей эпохи.

И тем не менее у Абрамова по-прежнему есть свой читатель, и в театрах, когда ставится что-то «по Абрамову», свободных мест не сыщешь. И это, без всякого сомнения, радует!

Возможно, книга, которую читатель держит в руках, могла бы быть абсолютно другой, если бы не моя встреча с Людмилой Владимировной Крутиковой-Абрамовой, вдовой писателя, одарившей меня безмерным счастьем прикоснуться к личному архиву писателя, хранящемуся в Институте русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), с доброй руки его директора Валентина Вадимовича Головина и радуших сотрудников рукописного отдела, открывших мне заветный писательский фонд Фёдора Абрамова, — Татьяны Сергеевны Царьковой, Любови Владимировны Герашко, Тамары Михайловны Вахитовой, Натальи Николаевны Лавровой.

Это и беззаветная помощь тех, кто лично знал писателя, его родственников, друзей и просто знакомых — Галины Михайловны Абрамовой, Владимира Михайловича Абрамова, Анисии Петровны Абрамовой, Игоря Петровича Золотусского, Михаила Сергеевича Глинки, Александра Ильича Рубашкина, Владимира Николаевича Войновича, Вадима Борисовича Чернышёва, Владимира Николаевича Крупина, Ольги Александровны Фокиной, Григория Петровича Калюжного, Игоря Борисовича Скляра, Натальи Валентиновны Акимовой, Сергея Афанасьевича Власова, Натальи Анатольевны Колотовой, Ивана Сергеевича Бортника, Аллы Александровны Азариной, Эдуарда Степановича Кочергина, Анатолия Дмитриевича Заболоцкого, Теймураза Резовича Эсадзе, Татьяны Кирилловны Михалковой. Это и огромный дружеский посыл в благое дело написания этой книги сотрудников Литературно-мемориального музея Ф. А. Абрамова, что на родине писателя, в Верколе, — Татьяны Ивановны Казаковой, Александры Фёдоровны Абрамовой, Нины Борисовны Никифоровой, Елены Дмитриевны Бурачкиной и многих других откликнувшихся добром, в том числе Антонины Владимировны Кузнецовой-Стонога, Татьяны Анатольевны Лихачёвой, чья посильная помощь помогла сделать эту книгу такой, какая она есть.

И тем не менее представленное жизнеописание писателя, работа над которым шла целое десятилетие, никоим образом не претендует на исключительность и безупречность. Обо всём, что оно в себя вобрало, вполне дозвоительно судить и спорить, выстраивать различные версии подтверждения того или иного биографического факта и даже что-то отвергать, ставя в вину автору сию вольность

в написании текста. К этому и призвано вдумчивое чтение. Не получится лишь одного — остаться равнодушным к судьбе героя, ибо она, сотканная из множества перипетий, таит в себе столько порогов и подводных течений, что с лихвой хватило бы не на одно захватывающее повествование об иных людях.

И может быть, сегодня, чтобы лучше понять нашу с вами жизнь, наше сложное время, нужно всего лишь оглянуться на Фёдора Абрамова, почитать его сочинения, поговорить душой и сердцем с героями его повестей и рассказов, и тогда в каждом из нас непременно проснётся человек, в высшей степени своего земного предназначения. Я так думаю!

Олег Трушин,
ноябрь 2020 года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«Я РОДИЛСЯ В ДЕРЕВНЕ...»:
1920—1940

«Касьянов сын»

Фёдор Александрович Абрамов родился в деревне Веркола Пинежского уезда Архангельской губернии 29 февраля 1920 года, в ту самую зиму, когда на Пинежье отгремели последние бои Гражданской войны.

В одной из своих предвоенных биографий, датируемой 19 октября 1939 года, он пишет: «Я родился в деревне... в семье русского крестьянина. Родители до революции и после неё занимались сельским хозяйством...» И ни слова больше. Скупо. Лаконично. И вместе с тем весьма туманно. Возможно, Фёдор Александрович на тот момент действительно очень мало знал о своих предках.

Не особо заботились крестьяне о сохранении своего родословия от «корня». Семейных хроник они не вели по причине неграмотности, которая была вполне обычным явлением. Документов крестьяне не имели, да и каких-либо других важных бумаг, касаемых личности, также не было. И если бы не церковные метрики, вряд ли можно было бы к нашему времени отыскать о предках Фёдора Александровича как по отцовской линии, так и по материнской хоть какую-нибудь информацию.

К сожалению, фотографий дома в Верколе, где прошло детство Фёдора Абрамова, не сохранилось. По воспоминаниям старшей сестры писателя Марии Александровны, знаем, что были у дома «...окна на 5—8-м бревне... нижней половины. Во второй половине окна 1-го ряда были очень низко. А окна на 2-м этаже не обделаны. Во второй половине было высокое передызье (помещение перед основной избой, холодная стройка. — *О. Т.*) А у нас высокий тын (ограждение вокруг усадьбы. — *О. Т.*) был, передызья разделялись. Их передызье было выше, чем наше. Горенки не было. На повесть маленькая лестница была у нас и у них.

Повесть была не разгорожена. На доме был охлупень с конём. Был дровяник и спереди дрова были наложены»¹.

Не свой ли дом описывал Абрамов в повести «Деревянные кони»? «...Ах, какой это был дом! Одних только жилых помещений в нём было четыре: изба-зимовка, изба-лестница, вышка с резным балкончиком, горница боковая. А кроме них были ещё сени светлые с лестницей на крыльцо, да клеть, да повесть сажень семь в длину — на неё бывало заезжали на паре, да внизу, под повестью, двор с резными стайками и хлевами...» Утверждать не будем — не знаем.

Но сохранилась зимняя изба, являвшаяся той самой «избой-зимовкой», в которой той суровой високосной зимой и появился на свет будущий писатель. Когда рядом с ней стоял огромный дом-богатырь, то эта малая избёнка терялась среди большой усадебной постройки, «таяла» на её задворках, и свет в её небольших оконцах загорался лишь в холодное время года, когда сюда до самой Евдокии весенней перебиралась зимовать большая крестьянская семья.

Небольшая, приземистая, словно сгорбившаяся от тяжёлой ноши, в десяток почерневших от времени венцов, рубленных в простой тёплый угол, эта изба и поныне стоит на высоком веркольском угоре, по-местному — абрамовском печище, откуда открывается вид на речной простор Пинеги, на её русло, широкое, просторное, на лесные дали, что не окинуть взором, на монастырь Святого Артемия Веркольского, что вырос много веков назад на северной русской сторонке. Поразительно, но в избе и по сей день сохранилось кольцо, притороченное к потолку, для подвешивания зыбки, в которой качали младенца Фёдою.

К рождению сына Фёдора у 37-летней Степаниды Павловны и 42-летнего Александра Степановича Абрамовых уже было трое сыновей — Михаил пятнадцати лет, девятилетний Николай, шестилетний Василий — и дочь Мария двух лет. Дочь Анна умерла в детстве, Мария — во младенчестве (не путать с Марией Александровной, родившейся позже — в 1918 году), и свидетелями появления на свет их младшего брата Фёдора быть не могли.

О главе семейства — Александре Степановиче Абрамове мало что известно. Не сохранилось ни одной фотокарточки, на которой был бы запечатлён младший сын веркольского крестьянина-старообрядца Степана Кирилловича Абрамова, да и сам Фёдор Александрович, вовсе не знавший и не помнивший отца, не представлял себе, как тот выглядел.

Некоторый пробел в сведениях о роде Фёдора Абрамова

восполняют переписные листы Первой всеобщей переписи населения в России, состоявшейся в 1897 году. До этого года о своих крестьянских корнях можно было узнать разве что в сохранившихся ревизских сказках да из духовных росписей церковных приходов.

Так, в фондах Веркольского музея Фёдора Абрамова хранится «Родословная Абрамовых», кропотливо, по крупницам родового древа составленная Анатолием Никифоровичем Богдановым и Николаем Алексеевичем Шумиловым², в которой приведена поколенная роспись предков Фёдора Абрамова по отцовской линии, из которой мы узнаём, что четырежды прадедом Фёдора Александровича Абрамова и родоначальником фамильной династии был черносошный крестьянин веркольской деревни Иван Абрамов, который родился в период от 1697-го до 1707-го, умер после 1745 года. Было у Ивана Абрамова пять сыновей: два Марка — Старший и Младший, Фока, Кирилл и Семён, давших впоследствии пять линий веркольско-абрамовского рода, обосновавшихся в деревнях Яковлевской, Федотовской, Верхнегорской*.

От Марка Абрамова Младшего и пошла родовая ветвь, где в будущем суждено было появиться на свет Фёдору Абрамову.

Фамилия Абрамов довольно распространена на Руси, и не только на Русском Севере.

Взяв в помощь Толковый словарь Владимира Даля, увидим, что история фамилии Абрамов имеет глубокие корни и относит к библейскому имени Авраам — первому из трёх библейских патриархов. От этого имени было образовано множество форм — Абрамка, Абрам, Абраша... Но наиболее прижившееся, несомненно, Абрам. Эту форму имени и берут за основу, говоря о происхождении фамилии Абрамов.

Был ли в роду Абрамовых Абрам, сказать сложно. Предположим, что был. Тогда понятно, откуда такая фамилия у пращура писателя.

Возможен и другой вариант обретения фамилии. Может быть, один из дальних предков писателя служил в Архангельске у некоего Абрамова и на вопрос, где служишь,

* По сведениям исследователя пинежских родословных Елены Немытовой (город Северодвинск, Архангельская область), существуют ещё два поколения семьи Абрамовых. Корни идут от Михаила Абрамова. У него было двое сыновей — Трифон и Спиридон. У Трифона — трое сыновей, среди них Иван (1673—1750).

неизменно отвечал: «У Абрамова». Или иначе: «Чей ты?» — «Абрамов». Отсюда и пошла фамилия Абрамов. И тут не поспоришь!

Есть ещё один вариант — возможно, первые выходцы с фамилией Абрамов жили в деревне Абрамово, откуда и потекла по Пинежью эта фамилия. Таких примеров с фамилиями также немало. Предположений тут может быть сколько угодно.

Дедом Фёдора Абрамова по линии отца являлся крестьянин села Яковлевского Веркольского прихода Степан Кириллович Абрамов. Именно в Яковлевском и родился Александр Степанович Абрамов, его семья проживала там до 1878 года.

Мать Александра Абрамова рано скончалась, так и не дождавшись женитьбы младшего сына. Она оставила на попечение супругу ещё и двоих дочерей: «малую» дочь Параскеву четырнадцати лет да Василису, чьим братом-близнецом был сын Павел. Павел к тому времени уже имел свою семью, с которой жил в доме отца, занимая по старшинству верхнюю половину дома.

Вообще в браке у Степана Кирилловича и Афанасьи Михайловны родились шестеро детей, двое из них, сыновья Михаил и Семён, умерли во младенчестве.

В отличие от старшего брата Павла Александр вовсе не знал грамоты и, скорее всего, не пытался её познать. Может быть, причиной тому было бедственное положение семьи и приходилось много работать.

Из довольно отрывочных сведений, сохранившихся в скудных воспоминаниях об Александре Абрамове, узнаём, что до женитьбы он работал по найму в Карпогорах и Архангельске рабочим, кучером, а уж когда обзавёлся семьёй, устроился на лесозаготовки. Его семья едва сводила концы с концами, по всей видимости от того, что Александр не обладал дюжей хваткой, то есть хозяйской жилкой, чего нельзя сказать о его супруге — Степаниде Павловне, в девичестве Заварзиной, которая была младше своего мужа на пять лет.

Фамилия Заварзины, как и Абрамовы, в Веркольском приходе была обычной. Родительский дом Степаниды Заварзиной стоял в селении Прокшино, в нижнем конце Верколы у самого угорья, где комарья и мошкары пруд пруди.

Выросла Степанида Павловна в крайне бедной семье и была самой младшей из трёх сестёр. Её отец умер рано, оставив свою жену Дарью в полной нищете, без хозяйства и земельного надела. Жили милостыней, подаванием, ходили

Родина		3	
99	Февр.		
Матр.			
17	V	1.	у Грамгадминистра жена Вереники Александровны Романовича и имеет от Стефановича Павловны Абрамовых сына Федора Восприсимовича Грамгадминистра того-же села Александров Федоровича Билосусова.
2.	V	4.	у Грамгадминистра жена Вереники Павла Ивановича и имеет от Федора Семеевича Писванкича дочь Евдокия Восприсимовича того-же села Федора Егоревича Киланского.
2.	V	5.	у Грамгадминистра деревни Сидурово Исаеве Мамвелевича и имеет от Фомы Мелешичева Стефановича дочь Евдокия Восприсимовича того-же деревни Лемзюган Александр Мусеевича Богачева.
4.		6.	у Грамгадминистра жена Вереники Ивана Александровича и имеет от Марии Ивановны Абрамовой сына Фронома Восприсимовича.

Страница метрической книги храма во имя святителя Николая Чудотворца в деревне Веркола с записью о рождении Фёдора Абрамова. Видны исправления в дате рождения. 1920 г. Публикуется впервые

по дворам, нанимаясь на работу за гроши. Сама Степанида впоследствии рассказывала, как по весне перескакивала с проталинки на проталинку босиком — обуви-то совсем не было. Она единственная из сестёр так и не познала грамоты. Да и замуж вышла не по любви, а по нужде.

После того как Александр Абрамов обзавёлся семьёй, родительский дом братья поделили поровну — каждому отмерив по этажу избы с одним входом. Александру досталась нижняя половина дома.

Особый день — 29 февраля. Касьянов день*. В народе не зря подмечено: на Касьяна родиться — весь век маяться. Оттого и не спешила Степанида окрестить младенца, отпуская подальше деньки от святого Касьяна. К середине марта лишь решилась. Крестины прошли в деревянном храме во имя Святителя Николая Чудотворца, что находился в самой деревне Верколе.

Март на Пинеге ещё полностью зимний, сыплют снега, дремлет под толстым льдом, убаюкиваясь под завывание метелей, река Пинега, ещё ужас как темны и дремучи ночи и люютуют крепкие морозы, заставляя кряхтеть от стужи избы, заволакивая даль леденящим туманом. С дальних пожней** в эту пору подбирают извозами последние стога, подсчитывая, хватит ли до молодой зелени корма скотине.

С абрамовского печища до храма путь хоть и близкий, но на угоре ветра будь здоров какие, что так и нижеет. Крепко укутанного в шубу с мороза и занесла Степанида малыша в храм...

* 29 февраля — день святого Иоанна Кассиана Римлянина. Русская православная церковь чествует этого святого в соответствии с юлианским календарём 13 марта. На Русском Севере, в частности на Пинежье, на григорианский календарь летосчисления, принятый декретом Совета народных комиссаров 26 января 1918 года, не переходили. Староверы-поморы, как и прежде, пользовались юлианским календарём, и все метрические данные в церковных росписях велись именно по старому летосчислению без всяких поправок на новый стиль. В народном поверье 29 февраля вспоминают как Касьянов день, или Касьян-високос. В сказках и легендах восточных славян образ святого Касьяна, несмотря на всю праведность реального святого, рисуется отрицательным и даже демоническим, как отголосок языческих представлений о «плохом» и «хорошем» времени. Последний день зимы и последний день старого года (в древности год начинался 1 марта) с мифологической точки зрения был самым «плохим» и страшным, ведь наступал переход от старого к новому, от одной реальности к другой.

** П о ж н я — сенокосный луг.

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Р. С. Ф. С. Р.

Удостоверение.

Предъявитель сею Абрамов Федор
Александрович ученик Веркольской
 школы 1-й ступени Архангельской губернии Канюковской
района уезда, родивш "18" марта
 1920 года, действительно окончил четыре
 группы Единой Трудовой Школы 1-й ступени 4 1/2 летки.

№ 1

Настоящее удостоверение выдано по постановлению
 Школьного Совета Веркольской единой
трудовой школы 1-й ступени
 от 1932 года.

июня "16" дня 1932 г.

Председатель Школьного Совета, Белюсова
 Заведывающий Школой Надгорная

Члены Школьного Совета Григорьев

Секретарь Дорожнева

Арх. Галкина-Ген. 1-го. Прислан.

Удостоверение Фёдора Абрамова об окончании Веркольской школы 1-й ступени от 16 июня 1932 года. Публикуется впервые

По воспоминаниям самого Абрамова, его едва не нарекли Касьяном, но мать вымолила у священника, совершавшего таинство, иное имя — Фёдор. Так и записали в росписях: «Фёдор Абрамов, сын Александров, родившийся 18 марта 1920 года». Крёстным отцом младенца стал старший брат Михаил — «брат-отец», коим он, в сущности, и станет для Фёдора на всю жизнь. Вскоре после крестин он действительно заменит маленькому Фёдору отца, и кто знает, если бы не брат Михаил, стал ли бы Фёдор Абрамов писателем, обучился ли грамоте, да и вообще, жил ли на этом свете.

И тут нельзя не обратить внимания на разнящуюся дату рождения. Неужто и впрямь в метриках стояло не «29 февраля», а «18 марта»?

Безусловно, именно так и было. И этому есть бесспорное подтверждение, хотя метрические росписи о рождении за 1920 год веркольского храма Николая Чудотворца сохранились не полностью и с исправлениями. Но есть другой документ, который проливает свет на это таинство. И вообще, почему Фёдор?

После окончания четырёх классов Единой трудовой школы 1-й ступени Фёдору Абрамову было выдано удостоверение, в котором датой его рождения было отмечено 18 марта 1920 года. Документ достоин того, чтобы привести его содержание полностью:

«Предъявитель сего Абрамов Фёдор Александрович, ученик Веркольской школы 1-й ступени Архангельской губернии Карпогорского района, родивш. 18 марта 1920 года, действительно окончил четыре группы Единой трудовой школы 1-й ступени 4-х летки.

Настоящее удостоверение выдано по постановлению Школьного Совета Веркольской единой трудовой школы 1-й ступени от 1932 года июня 16 дня 1932 года.

Председатель Школьного Совета *Белусова*
Заведующий Школой <неразборчиво> [*подпись*]
Член Школьного Совета *Федоров*
Секретарь *Дорофеева*³.

Обратим внимание: «...родивш[ийся] 18 марта 1920 года...» Свидетельство об окончании школы 1-й ступени — единственный документ в биографии Фёдора Абрамова, где указана иная дата его рождения. Почему? Разгадка очень проста. В удостоверение об окончании школы 1-й ступени была внесена дата о рождении, имевшая место быть в церковных росписях о рождении, сделанная в день крещения. Как мы хорошо понимаем (и уже об этом говорили), в то

время иных документальных подтверждений о рождении человека кроме церковных метрик просто не существовало.

С указанием даты рождения 18 марта раскрывается и тайна наречения младенца именем Фёдор.

На 18 марта попадает один из дней празднования именин Фёдора*. Имя Фёдор, как, впрочем, и имена Иван да Василий были всегда популярны на Руси и несли в себе ореол непредвзятой народности, открытости души, что называется, «на распашку». «Эх ты, Федя, Федя...» — говорят человеку совестливому, простоватому, готовому последнее отдать, лишь бы помочь ближнему.

Сам Абрамов во всех своих последующих биографиях указывал, естественно, лишь одну-единственную дату своего рождения — 29 февраля, о которой он знал, так как слышал о ней от матери и братьев. А в кругу друзей частенько любил повторять: «Я Касьян!» — намекая на свою причастность к непростому дню високосного календаря.

Маломощный середняк

Недолго жил Федя Абрамов при отце. Спустя год (по иным сведениям, два) после рождения сына Фёдора глава большой семьи Александр Степанович Абрамов скончался, оставив после себя нужду и пятерых детей мал мала меньше. Сыновья Михаил, Василий, Николай, Фёдор и дочь Мария осиротели.

Михаил Александрович, старший брат писателя, в автобиографии, хранящейся в личном архиве семьи Владимира Михайловича Абрамова, указал, что «...отец покоен в 1922 году». Значит, маленькому Феде на день смерти отца было два года, а не год.

Сестра Мария Александровна Абрамова в письмах Игорю Петровичу Золотусскому, вспоминая о смерти отца, сообщила: «...Отец... умер рано. Обувь была плохая, застудил ноги. Ногу отняли. Писал из больницы из Карпогор маме, чтоб обувь ребятам не отдавала в починку, сам приедет скоро и починит. И вдруг телеграмма: “Приезжайте за телом”. Была распутица, и старший брат Михаил (ему всего было 15 лет) один ездил за мёртвым отцом. Осталось нас у матери пять человек. Феде был только годик»⁴.

* День обретения мощей благоверного князя Феодора Ростиславича Чёрного, Смоленского.

В архиве музея писателя в Верколе есть ещё один документ, указывающий на то, сколько было лет Фёдору Абрамову, когда умер его отец. Он собственноручно написан Фёдором Абрамовым — учеником Единой трудовой школы 1-й ступени (орфография и пунктуация полностью сохранены):

«Заявление.

Прошу дать купить мне ботинки так как я не имею кожанной обуви и прошу дать мне мануфактуры на верхнюю рубашку и на брюки.

Моё сознательное положение.

Маломощный середняк.

Придёт весна мне совершенно невчем идти в школу.

Прошу похлопотать об обуви.

Мне тот раз не дали ничего дак дайте пожалуйста мне кожанную обувь к весне.

Нам хоть бы дали 2м одни башмаки и мануфактуры.

Проситель *Ф. Абрамов*».

И уже внизу приписка:

«Прошу не отказать.

У меня мать больная, отец умер я ещё был 1го года».

Письмо было аккуратно сложено небольшим прямоугольником, на лицевой стороне которого карандашом (чем, впрочем, и было написано всё письмо) написано:

«Учительнице Ев. Ар. На.

[Подпись]»⁵.

Но здесь есть одно «но»! Фёдор Александрович в силу своего возраста не мог точно знать, сколько ему было лет, когда скончался его отец, и пояснение в заявлении, что «...отец умер я ещё был 1го года», нельзя принимать буквально.

Исследовав все имеющиеся источники, проливающие хоть какой-никакой свет на год смерти Александра Степановича, всё же отдадим пальму первенства Михаилу Абрамову — «брату-отцу», ведь он был самым старшим, да и его автобиография была написана им спустя лишь немногим более десяти лет после смерти отца, и определим год кончины Александра Степановича как 1922-й.

А ещё знаем, опять-таки от Марии Абрамовой, что, когда гроб с телом отца стоял в избе перед образами, приходящие в дом женщины милостиво просили Господа, чтобы он малюго (то есть Фёдора. — *О. Т.*) прибрал. На что мать отвечала: «Не умирать родился, жить». Тогда женщины решили, что Степанида, видимо, помешалась от горя⁶.

После кончины Александра Степановича главенство в семье принял старший сын Михаил.

Сестра Мария вспоминала: «...спасибо старшему брату, что не бросил нас, всех поднял на ноги. Некоторые ребята зарабатывают деньги, пьяные идут. Михаил идёт, обвешанный сушкой, как бусами, а то и конфет несёт»⁷.

И несмотря на то, что старший сын Михаил, работавший на стороне по найму, приносил в дом копейку, всё одно трудно сказать, как бы сложилась судьба семьи покойного Александра Абрамова, если бы не его вдова Степанида, не опустившая рук, выстоявшая в борьбе с «лихом», взвалившая на свои женские плечи всю заботу, все тяготы домашней работы, вместе со старшими сыновьями она работала так, что вывела своё хозяйство из бедняцкого в середняцкое.

29 февраля 1980 года Абрамов, выступая в Ленинградском доме писателя им. В. В. Маяковского на творческом вечере, посвящённом своему шестидесятилетию, так охарактеризовал своё отношение к матери: «Мама. Степанида Павловна, неграмотная крестьянка, которая с трудом умела ставить три печатные буквы. Но крепкая, неглупая, властная и работающая женщина, рано овдовевшая, но которая твёрдой и уверенной рукой повела нашу семейную ладью...»

Свою искреннюю любовь к матери Абрамов пронесёт через всю жизнь, недаром в его ленинградской квартире портрет Степаниды Павловны всегда был на видном месте, и гости писателя первым делом «встречались» с ней.

В конце жизненного пути на вопрос близких родственников, где бы ему хотелось покоемся после смерти, Фёдор Александрович ответил: «...рядом с матерью».

Не в чести земледельчество на Пинежье, и всё потому, что почва неплодородная. «Что ни выдумывай, как ни бейся — плохая земля: мало родит, и жить на ей неуютно и неутешно»⁸, — запишет в своём дневнике за 1932—1935 годы Михаил Пришвин, путешествуя в этих краях. И писатель был прав. От такой земли при суровом климате богатого урожая не добьёшься. Поэтому большую часть угодий крестьяне оставляли под сенокосы, которые также нещадно облагались налогом, не только денежным, но и натуральным. Себе накоси, да и государству сдай!

Первые годы советской власти на Пинежье, как и во всей Стране Советов, ознаменовались страшным голодом, пик которого пришёлся на 1921 год. По всему краю полегли

от истощения тысячи людей, а по всей России почти что шесть миллионов. В эту пору пределом довольствия для многих были ломоть хлеба да несколько поленьев дров⁹.

Ко всему этому политика военного коммунизма усугубила и без того бедственное положение крестьян, доведя до крайней бедноты грабительской продразвёрсткой, изъятием всех излишков зерна. Изымали так, что по весне и сеять было нечем. Так за два года на Пинеге засеваемые ранее поля заросли бурьяном. Недаром в 1920 году лозунги советской власти «Хлеб — голодающему Северу», «Хлеб — армии», как и «Ты записался добровольцем?», были одними из самых популярных в агитационной кампании большевиков. Вот только хлеб этот едва доходил до «голодающего Севера».

Пожни в Верколе были по пойменным лугам и суходолам среди леса, вниз по реке Пинеге и название своё, как правило, получали по месту — Никопала, Кеврольский, Каршелда... Семья Степаниды Абрамовой ставила стога по берегам рек Хорса, Прелая (впадает в первую), Ядвий. Сенокосные луга были затаёнными, малопрветриваемыми. Поставь в таком месте большой стог, враз «загорится» — запрет сено. Оттого-то и метали не стога, а невысокие продолговатые зароды, состоящие из нескольких копёшек-стожков. Сенокос повсюду, не только на Пинежье, считался большой страдой, годовым делом. Сколько ляжет сена на поветь (сенник), так скотина и перезимует. Без сена и молока не будет, и конь с места не стронется. Оттого на сенокос ходили, как правило, несколькими семьями из разных дворов. На дальних покосах для ночлега и отдыха ставили так называемые сенные избушки, так как жить приходилось по несколько дней и работать от зари до зари. Сенокосная страда июльская, в эту пору ещё самые «пиковые» белые ночи. Для косьбы вдобавок прихватывали и самое «мёртвое» время — выходили на луг часа в два ночи.

Путь на луга был нелёгким. «...Ехали на Великую, грязь лошади на спину заливалась. Хороших сенокосных угодий не было. Всё кочки. Михаил брал всех на сенокос. А я оставалась с матерью»¹⁰, — вспоминала сестра Мария (вероятнее всего, Мария Александровна ошиблась, упомянув реку Великую, такой реки в окрестностях Верколы нет, скорее всего, она имела в виду реку Прелую. — *О. Т.*). Сенокос был первой серьёзной «мужицкой» работой и для маленького Феди. Но что может наработать мальчонка пяти-шести

лет? «...Я с шести лет начал косить, я с шести лет начал работать...» — не единожды будет впоследствии вспоминать Абрамов в многочисленных интервью, выступлениях, подчёркивая тем самым своё «взрослое» крестьянское детство. Позаботился старший брат о малом косце — смастерил косовище под рост, взрослой-то косой-горбушей ему травину наземь не уложить!

Ко всему тому сенокосная пора всегда граничила с жатвой. И чтобы не делать два дела сразу, сенокос должен быть спорым, его старались не затягивать, и если погода позволяла, стожки ставили быстро, в несколько дней.

Но если сенокос был мужским делом, то на жатве трудились в основном женщины. «Мы с мамой оставались дома. Мама жать уходила в поле, а я, — вспоминала Мария Абрамова, — должна травы корове и овцам наносить. В лес сходить за голубикой».

Ячмень в этих местах был главной зерновой культурой. Засаживали поля, конечно, и озимой рожью, но ячмень был на Пинеге в фаворе, здесь именно он именовался житом, житником — от слова «жить». Хлебу на Севере всегда придавалось особое значение.

Раннее детство Фёдора Абрамова выпало на трудные послевоенные 1920-е годы, но тем не менее именно тогда хозяйство Степаниды Абрамовой прочно встало на ноги.

Уже к 1927 году, к моменту образования колхоза в Верколе, в хозяйстве Степаниды Павловны было:

1,22 десятины пахотной земли, с которых она ежегодно получала доход 54 рубля 24 копейки;

2,47 десятины сенокосных угодий с доходом 39 рублей 84 копейки;

одна лошадь, дающая прибыль 26 рублей;

две коровы, приносящие доход 32 рубля.

Помимо этого «благополучия», двор Степаниды Абрамовой имел за год неземельный доход в сумме 43 рубля 35 копеек. «Итого общий доход хозяйства составлял 192 рубля, а едоков в хозяйстве 6», — так и было отмечено в окладном налоговом листе.

Спустя десятилетия в своём знаменитом выступлении в концертной студии телецентра «Останкино» Абрамов взволнованно скажет: «...К 1930 году, к моменту вступления в колхоз, мы были одной из самых состоятельных семей... У нас было две коровы, две лошади (для крестьянина

конь, без которого в хозяйстве было не сладить, всегда был мерилom достатка и благополучия. Лошадь стоила больших денег, и ее покупка была для семьи сродни большому празднику. — *О. Т.*), жеребёнок, бык, штук десять овец, и всё это сделала, сотворила наша детская колония, наша детская коммуния...»

И вот парадокс жизни: едва окрепло хозяйство Степаниды Абрамовой, возвращённое руками «детской коммунии», и зажило «справно», по-средняцки, по всей Стране Советов началась непримиримая борьба с кулачеством, определённая специальной директивой ЦК ВКП(б). Началась самая что ни на есть государственная война против крестьян, живущих своим собственным трудом. Выселения, аресты, притеснения... Зажиточный крестьянин, работавший на своей земле, стал вдруг государству негоден.

Не обошла эта беда стороной и семью Феди Абрамова. Уже совсем скоро, в короткий срок, от крепкого хозяйства Степаниды Абрамовой не останется и следа, но клеймо сына середнячки ещё долго будет преследовать Федю Абрамова, причиняя боль и страдания.

Весьма печальной и трагичной будет и судьба родного дома. Летом 1948 года его попросту распилят на дрова за долги.

Вернувшийся в 1947 году с фронта Михаил Абрамов устроится кладовщиком в местном райпо, как тогда коротко именовали районные потребительские общества. Выдача товара в долг и стала роковым для родительского дома Фёдора Абрамова. Михаил Александрович был человеком очень отзывчивым и по доброте душевной отказать в выдаче товара в долг, наверное, не мог, тем более если к нему обращается сам председатель райпо. Когда недостача обнаружилась, покупатели «в долг» отказались вернуть деньги, а Михаилу, как лицу материально ответственному, пришлось возвратить недостачу, вложив за неё... отчий дом.

Так, в виде возмещения образовавшейся недоимки в размере 375 рублей 45 копеек по решению братьев дом и был разобран, распилен и отдан в райпо на дрова.

Семья Михаила Абрамова была вынуждена перебраться к теще — Евдокии Фёдоровне Пономарёвой, чей дом стоял ниже по угору, почти напротив старой деревенской школы.

Уже впоследствии, приезжая в Верколу, останавливаясь в доме старшего брата Михаила, Абрамов всегда приходил к опустевшей родительской усадьбе, на которой когда-то возвышался «дом с конём» его детства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru